

**ПАМЯТИ Ф.Е. ВАСИЛЮКА: ОТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ И ОБРАТНО**
*REMEMBERING FYODOR VASILYUK: FROM
PSYCHOLOGICAL THEORY TO PRACTICE AND BACK*

**Научное наследие Ф.Е. Василюка:
от психологического консультирования
к консультативной психологии¹**

Т.Д. Карягина*,

ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»;
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
kartan18@gmail.com

В статье представлен анализ вклада Ф.Е. Василюка в развитие практики психологического консультирования/психотерапии в нашей стране и формирование консультативной психологии как научной дисциплины. На основании его работ, посвященных «ситуационно-историческому анализу» развития отечественной психологии с 1990-х г. по настоящее время, выделяются этапы развития этой области науки и практики и соответствующие им задачи, решаемые Ф.Е. Василюком. Подробно анализируется обоснование статуса практики консультирования/психотерапии и выделение ее ключевых характеристик по отношению к фундаментальной и прикладной психологии. Сущностной характеристикой консультативной практики и психологии в видении Ф.Е. Василюка является «удержание» целостного видения человека в качестве эпистемологического и одновременно аксиологического, этического идеала. Психотехническая реализация такого видения проиллюстрирована на примере психотерапевтической системы понимающей психотерапии. В заключительной части статьи обсуждаются вопросы становления психологического консультирования/психотерапии как антропологической практики и проблема «общетерапевтического» знания.

Ключевые слова: Федор Ефимович Василюк, психологическое консультирование, психотерапия, понимающая психотерапия, практическая психология, консультативная психология, практика, антропологическая практика, схизис.

Для цитаты:

Карягина Т.Д. Научное наследие Ф.Е. Василюка: от психологического консультирования к консультативной психологии // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 4–14. doi: 10.17759/chp.2019150101

For citation:

Karyagina T.D. Scientific Heritage of F.Ye. Vasilyuk: From Psychological Counseling to Counseling Psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 1, pp. 4–14. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150101

* *Карягина Татьяна Дмитриевна*, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»; доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, руководитель магистерской программы «Консультативная психология», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: kartan18@gmail.com
Karyagina Tatyana Dmitrievna, PhD in Psychology, Senior Researcher at the Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Associate Professor, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. E-mail: kartan18@gmail.com

¹ Статья частично основана на положениях доклада «Научное наследие Ф.Е. Василюка: от психологии переживания к экспериментальной психотерапии и обратно» на I Международной конференции по консультативной психологии и психотерапии памяти Ф.Е. Василюка (1–3 ноября 2018 г., Москва, ПИРАО, МГППУ).

Scientific Heritage of F.Ye. Vasilyuk: From Psychological Counseling to Counseling Psychology²

T.D. Karyagina,

Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
kartan18@gmail.com

The article analyses F.Ye. Vasilyuk's contribution to the development of psychological counseling/psychotherapy practices in Russia and to the formation of counseling psychology as a scientific discipline. Basing on his works on the 'situational-historical analysis' of the development of Russian psychology from the 1990s to the present, the article outlines the stages in the development of psychological research and practice and the corresponding tasks that were in the focus of F.Ye. Vasilyuk's attention. The status of counseling/psychotherapy practice and its key characteristics in relation to fundamental and applied psychology are analyzed in detail. The essential characteristic of counseling practice and psychology according to F.E. Vasilyuk is 'keeping in mind' the holistic image of an individual as both an epistemological and axiological, ethical ideal. The psychotechnical implementation of such vision is illustrated by the example of the psychotherapeutic system of co-experiencing psychotherapy. In the final part the article discusses the formation of psychological counseling/psychotherapy as an anthropological practice and the problem of 'general' therapeutic knowledge.

Keywords: Fyodor Vasilyuk, psychological counseling, psychotherapy, co-experiencing psychotherapy, practical psychology, counseling psychology, practice, anthropological practice, schism.

Если попытаться максимально кратко охарактеризовать, что в наибольшей степени было предметом заботы Федора Ефимовича Василюка в области консультативной психологии, то я бы сказала двумя словами — умная практика. Такой практике, рефлексивной, осмысленной, он часто противопоставлял «фельдшеризм» — работу по лекалу, по готовому рецепту, без понимания оснований, механизмов и последствий своих действий. Субъект же умной практики отдает себе отчет (или, по крайней мере, ставит перед собой такие вопросы) о своих «упованиях» — на что в клиенте он надеется, о том, чего он хотел бы для клиента — о своих целях и ценностях в терапии, о происходящем в терапевтических отношениях и, конечно же, о том, что он делает и почему и как это может отозваться в клиенте.

Как создать такую «умную практику»? Ответ на этот вопрос, собственно, и есть научное, психотерапевтическое, образовательное и организационное творчество Ф.Е. Василюка.

В 1992 г. в первом номере созданного Ф.Е. Василюком и его коллегами «Московского психотерапевтического журнала» была опубликована его статья «От психологической практики к психотехнической теории» (написана в 1990 г.), отвечающая на тогдашнее положение дел в отечественной психологии; в ней были сформулированы многие важные методологические положения [6]. В их числе — основания различения практической психологии и психологической практики, психотехнической и академиче-

ской теорий, ставшие, например, основой концепции организации обучения на факультете психологического консультирования МГППУ [19]. Эти положения также стали частью методологического «скелета» «психотехнической системы “Понимающая психотерапия”» [7].

В 2017 г. Ассоциация понимающей психотерапии (ППТ) стала членом международных объединений личностно-центрированных и экспириентальных психотерапевтических школ (WAPCEP, PCE), оказавшись первым отечественным подходом, который вошел «... в семью одного из авторитетных подходов мировой психотерапии... не как дубликат одной из существующих версий западного подхода, а в качестве самостоятельной фигуры, как оригинальная психотерапевтическая школа, выросшая в традиции культурно-деятельностной психологии и при этом полностью соответствующая академическим и образовательным стандартам европейской и мировой ассоциаций» [12, с. 12].

История создания ППТ самим автором рассматривалась как *построение* психотехнической системы — ответ на «структурную проблему — вызов», заключающуюся в наличии существенного противоречия, схизиса психологической науки и практики, которое препятствует ее продуктивному развитию [7, с. 9]. Таким образом, речь идет о целенаправленном воплощении определенных принципов, реализации обоснованного на разных уровнях плана, задаваемого представлением о желаемом результате — создании психотехнической системы,

² This paper is partly based on the author's report "The Scientific Heritage of F.Ye. Vasilyuk: From the Psychology of Experiencing to the Experiential Psychotherapy and Back" presented at the I International Conference on Counseling Psychology and Psychotherapy in Memory of F.Ye. Vasilyuk (November 1–3, 2018, Moscow, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow State University of Psychology and Education).

которая должна стать по своей форме синтезом психологической теории, практики и образования. Такого рода системы, в которых «синергия этих трех главных органов только и способна решать задачи познания, действия и трансляции опыта» должны сформировать, как отмечает Ф.Е. Василюк, поле «консультативной психологии как особой области знания» [там же, с. 19]. В этом поле не просто осуществляется диалог науки и практики, не просто происходят взаимообогащающие обмены между ними, а рождается знание, «... взятое не в прямом отношении к объекту, но в отношении к тем целостным “организмам” практик, внутри которых оно складывается и работает как особого рода “орган”, обеспечивающий их функционирование, воспроизводство и развитие» [1, с. 35].

Как поэтапно возводилось «здание» ППТ на культурно-деятельностном методологическом фундаменте, во всем единстве и многообразии решаемых автором задач, отражено в докторской диссертации Ф.Е. Василюка [7]. Цель данной статьи — рассмотреть этапы и некоторые аспекты такого строительства с точки зрения становления консультативной психологии как научной специальности, еще только завоевывающей свое место под солнцем в отечественной науке.

Практическая психология и психологическая практика

«Ситуационно-исторический анализ состояния научной дисциплины» — так характеризует сам Ф.Е. Василюк свою работу в монографии «Методологический анализ в психологии» (2002 г.) [3]. Ее результатом были, в том числе, уже упомянутая статья «От психологической практики к психотехнической теории» [6], а также статья «Методологический смысл психологического схизиса» [4]. Введение и первая глава докторской диссертации, защищенной в 2007 г., также посвящены такому анализу.

Характерно, что словосочетание «консультативная психология» появляется только в докторской диссертации Ф.Е. Василюка [7, с. 9]. Несмотря на то, что в зарубежной психологии такая отрасль существует с середины XX в., публикуются журналы и т. п., отечественной психологии пришлось пройти свой, достаточно долгий путь, чтобы потребность в ней вызрела и стала осознанной у достаточно широкого круга практиков³. В 2010-х гг. меняются названия тех институций, которые были созданы Ф.Е. Василюком и его коллегами в 90-е гг.: с 2010 г. «Московский психотерапевтический журнал» называется «Консультативная психология и психотерапия»; в 2012 г. факультет психологического консультирования

МГППУ становится факультетом консультативной и клинической психологии; в 2015 г. лаборатория научных основ психологического консультирования и психотерапии Психологического института РАО меняет название на «лаборатория консультативной психологии и психотерапии».

Обозначим этапы развития области психологического консультирования и психотерапии в нашей стране, как они были отражены Ф.Е. Василюком [13]:

- появление и бурный расцвет области психологического консультирования и психотерапии, прежде не существующей в Советском Союзе (конец 1980-х — середина 1990-х гг.)
- схизис академической науки и этой области психологической практики (середина 1990-х — 2000-е гг.)
- возникновение запроса на консультативную психологию как прикладную науку для психологической практики, постепенная «академизация» практики (конец 2000-х — 2010-е гг.)

Выделим основные проблемы, решаемые Ф.Е. Василюком на данных этапах, опираясь на тематику его работ в эти периоды.

На первом этапе фиксируются изменения, произошедшие в связи с появлением различных практик консультирования и психотерапии (включая групповые формы, тренинги, то, что позже стало называться коучингом и т. п.) как массового рынка психологических услуг, что означает, с точки зрения автора, становление отечественной психологии как самостоятельной практической дисциплины. Поэтому он ставит задачу поиска имеющихся у отечественной психологии методологических инструментов для ассимиляции интенсивно развивающейся области практики. В этом ключе формулируются основные принципы психотехнической теории, реализующей идеалы той самой философии практики, о которой писал Л.С. Выготский (участная, деятельная, ценностная позиция исследователя *изнутри* практики; предмет теории не объект, а метод работы-с-объектом; личностный, диалогический характер знания и т. д. [6]). Специфика практики консультирования/психотерапии как *собственно психологической практики* определяется им через сравнение с прикладной (практической) психологией.

На втором этапе диагноз ситуации был заострен — не просто расхождение, но схизис (расщепление) академической психологии и психологической практики [4]. В статье о схизисе психотехнические принципы Г. Мюнстенберга и Л.С. Выготского подробно анализируются с точки зрения изменившихся реалий науки и социальной жизни, рассматривается их фактическая реализация в психоанализе как исторически первой психотехнической системе, по мнению Василюка. Автором обосновывается предельная цель

³ Такой ход развития не является оригинальным: Ассоциация консультативной психологии в рамках Американской психологической ассоциации (АРА) была создана в 1946 г. Если отсчитывать от первого приезда З. Фрейда в США в 1909 году и вычесть годы второй мировой войны, то получатся приблизительно те же 30 лет, которые Ф.Е. Василюк отсчитывал от приезда в СССР Карла Роджерса в 1986 г. [13].

и ценность психотехнической методологии в применении к психологической практике («научиться не только действовать с целостным человеком, но и мыслить действительность человеческой целостности» [4, с. 26]) Контуры психотехнической теории наполняются конкретным содержанием в контексте развиваемого самим автором терапевтического подхода понимающей психотерапии, базирующегося на теории переживания [5; 7].

На третьем этапе помимо углубленного анализа отдельных категорий и методов понимающей психотерапии [9; 11] внимание уделяется идеям обустройства области консультативной психологии, задаются ориентиры решения конкретных проблем [13]. Например, как «справляться» с многообразием школ и подходов [9]. Важное место в рассуждениях Ф.Е. Василюка занимают социальные, культурологические и этические проблемы практики: «До сих пор принцип “философии практики” (Л.С. Выготский) распространялся лишь на гносеологическую плоскость, требуя включить практику в исследование как основу всякой научной операции. Теперь значение этого принципа расширяется. Перед культурно-исторической психологией стоит задача разработки помимо познавательной методологии еще методологии этической, культурологической, антропологической, аксиологической» [2, с. 90].

Характеристика отношений академической и практической психологии как схизиса породила широкие дискуссии, продолжающиеся и поныне. Это положение критиковалось, корректировалось и дополнялось [14; 15]. Например, авторы указывали на различия между фундаментальной, исследовательской и прикладной наукой, по-разному связанных с практикой [29], выделяли и описывали различные типы знания [26] и т. д.

Однако практически без комментариев остался, на наш взгляд, важнейший тезис — об особом значении для психологии именно практики консультирования и психотерапии, названной Ф.Е. Василюком «собственная (собственно) психологическая практика». Как справедливо отмечает Л.И. Воробьева, обсуждается «двойное» деление психологии — на академическую (исследовательскую) психологию и практическую психологию, а не «тройное», которое предлагает Ф.Е. Василюк: академическая психология, практическая психология и психологическая практика консультирования и психотерапии [15].

Рассмотрим его аргументацию подробнее. В СССР существовала практическая или прикладная психология, но не психологическая практика. Практическая психология — это приложение психологии к различным социальным сферам, по имени которых получают название отрасли прикладной психологии: педагогическая, медицинская, инженерная и т. п. Интуитивно, на первый взгляд, понятное, отличие этих прикладных отраслей от практики консультирования и психотерапии все же требует выделения оснований. Ф.Е. Василюк отмечает следующие [7]:

- цели деятельности;

- «главный» субъект практики;
- источник критериев оценки деятельности психолога.

Цели деятельности психолога в «чужой» социальной сфере (педагогика, медицина, юриспруденция, производство и т. д.) диктуются ценностями и задачами этой сферы. Основным субъектом взаимодействия с личностью или группой (семьей, коллективом) является не психолог, а врач, педагог или другой специалист. Даже если психолог прямо вовлечен в практическую работу, даже если объем его работы иногда превышает объем деятельности главного специалиста, как, например, нередко бывает в клинике, он все равно выступает «... лишь как вспомогательный персонал, как своего рода “орган” главного субъекта данной практики, и действует он, естественно, лишь постольку, поскольку ему определены задачи и делегированы полномочия, т. е. действует не от лица психологии, а от лица медицины, педагогики и пр. ... Понятно, что и ответственность за конечные результаты несет не психолог, а другой специалист» [7, с. 25–26].

Закономерно, что в такой ситуации источником критериев оценки результатов деятельности психолога является «чужая» практика. Эти критерии определяются ценностями данной социальной сферы, и практически каждый психолог, работавший в школе, клинике и т. п., не раз сталкивался с серьезными дилеммами, когда эти ценности входили в противоречие с его ценностями как психолога.

В связи с этим практическая психология в «чужих» социальных сферах для Ф.Е. Василюка *недостаточно* с точки зрения задачи стать «краеугольным камнем» общей психологии и реализации принципов «философии практики», по Выготскому, «Практический психолог обслуживает, прежде всего, не нуждающегося в психологической помощи человека или группу, а деятельность другого профессионала. При всей значимости практической психологии нужно признать, что в ней психолог слишком часто оказывается отчужденным от живой сердцевины практики, и это ведет к его отчуждению от собственно психологического мышления... Реальное бытие практического психолога в сфере той или другой практической деятельности определяет его профессиональное сознание, вынуждает мыслить так, как этого требуют задачи, цели и традиции этой сферы: образуется мощная тенденция к утрате специфики психологического мышления. Эта тенденция хоть и не всемогуща, но неуклонна и неизбежна: в чужой монастырь со своим уставом не ходят» [7, с. 26].

При обслуживании чужой практики *психологическое* выступает не в качестве особой, самостоятельной реальности, а лишь в качестве так называемого «психологического фактора», влияющего на поведение и успеваемость ученика, состояние больного, производительность труда работника и т. п. Взаимодействующий с этой реальностью психолог-практик неизбежно редуцирует ее и фор-

матрирует под ставящиеся перед ним задачи, утрачивая свой предмет⁴.

«Ис-целение» человека

Что же есть такого в практике психологического консультирования и психотерапии, с точки зрения Ф.Е. Василюка, что восполняет отмеченную недостаточность практической психологии? Ответ из 1990 г: психолог «... сам формирует цели и ценности своей профессиональной деятельности, сам осуществляет необходимые воздействия на обратившегося за помощью человека, сам несет ответственность за результаты своей работы. И это резко изменяет и его отношение к людям, которых он обслуживает, и его отношение к самому себе и участвующим в работе специалистам другого профиля, и, главное, сам стиль и тип его профессионального видения реальности... В гуще психологической практики впервые возникает настоящая жизненная, насущная потребность в психологической теории. Впервые потому, что от “чужой” практики всегда исходит запрос не на теорию, и уж тем более не на ее развитие, а на конкретные рекомендации и результаты. Ее представителями психологическая теория часто воспринимается как необязательная, досадная нагрузка к технологии, которую приходится терпеть лишь потому, что она “освящает” все дело авторитетом науки» [6, с. 18–19].

Каким может быть источник собственных целей и ценностей, в чем специфика того самого «своего» предмета психолога в своей практике? В 1996 г. Ф.Е. Василюк отвечает на этот вопрос, подчеркивая, что консультативная практика дает возможность реализовать давнишнюю мечту психологии об «удержании» целостности человека, разнесенного по ее разделам, разятого на функции, роли и т. п. Субъект психологической практики, при всей конкретности и возможной локальности проблем клиента, с которыми ему приходится иметь дело, взаимодействует с **целостным уникальным человеком** — такова ежедневная реальность его работы. Обратившись к психотерапевту по поводу учебных проблем или проблем со здоровьем, клиент выступает при этом не как «студент» или «больной», а как «частное лицо, проживающее свою собственную жизнь». С помощью этой цитаты из Нобелевской речи Иосифа Бродского Ф.Е. Василюк характеризует особую позицию получателя помощи в психологической психотерапии и консультировании [7, с. 60].

Когда в мастерских по понимающей психотерапии студенты задавали вопросы о важности психиатрических диагнозов и об обращении с клинической перспективой видения человека в принципе, Ф.Е. Ва-

силюк любил приводить пример из статьи американского психотерапевта и философа Ю. Джендлина о его работе с пациентами с шизофренией: когда пациент говорит о том, что в больнице существует электронная машина, заставляющая людей туда возвращаться, то терапевт откликается не на содержание его слов, психиатрически определяемое как симптом шизофрении, а на его возможный страх и ужас перед этой машиной — терапевт доверяет «универсальному» переживанию пациента и способен ему сопереживать [18]. «Не больно, не болезнь, а то, как человек живет с болезнью — вот наш предмет» — обычно резюмировал Василюк. «Пространство человеческой жизни... которое научно-психологически раскрывается как пространство деятельности и сознания» — так он определял смысловое поле, в котором мыслит психолог-консультант/психотерапевт [10, с. 5]. Именно такое понимание предмета фактически очерчивает для него границы области практики консультирования и психотерапии, отделяя ее от практической психологии в традиционных прикладных областях.

Добавляя к категориям деятельности (практики) и сознания, конституирующим, по словам Василюка, человеческую целостность, категорию культуры, он характеризует психологию, «вырастающую» из такой практики, как «деятельную — понимающую — гуманитарную»: «Не отказываясь от задач объяснения, она выдвигает на первый план категорию сознания и потому становится феноменологической и диалогической, т. е. понимающей психологией, способной профессионально относиться к предмету исследования не только как объекту, но и как к смысловому целому, и как к живому Ты. Не отменяя своих познавательных задач, она станет, прежде всего, деятельной, изменяющей психологией, ставящей психологическую практику во главу угла не только своего социального функционирования, но и своей исследовательской методологии. Не отбрасывая своих почтенных естественнонаучных традиций, она становится, наконец, и полноценной гуманитарной дисциплиной, способной понимать человека в культуре и культуру в человеке и взаимодействовать с ним с учетом этого понимания» [7, с. 66].

В такой системе координат, непосредственно связанной с отечественной культурно-деятельностной психологической традицией, безусловно, существует созданная Ф.Е. Василюком понимающая психотерапия. Проиллюстрируем это на примере нескольких положений и категорий ППТ.

Центральной категорией ППТ, описывающей терапевтическое «упование», т. е. представление о продуктивном процессе на полюсе клиента, «осуществляющем» терапевтические изменения, является переживание, в основе подхода лежит автор-

⁴ В докторской диссертации, т. е. по прошествии более чем 15 лет, Ф.Е. Василюк отмечает изменения, происходящие и в прикладных областях, например, формирование психологии образования — области психологического знания «новой генерации», существенно отличающейся от педагогической психологии: «Психология образования строится как проектно-организационная дисциплина, в которой намечаются новые функциональные синтезы классических научных и практических областей психологии — возрастной психологии, клинической, социальной, педагогической и др.» [7, с. 5]. В своих лекциях и выступлениях он высказывал предположение о реструктурировании поля психологии через формирование аналогичных психологических отраслей для других сфер и антропологических практик.

ская теория переживания [8]. В своей трактовке этого понятия Василюк следует традиции, впервые выраженной В. Дильтеем: переживание — это «для меня наличное бытие», смысловая целостность и взаимосвязь психического, в которой дана человеку его жизнь, а не элемент сознания, как в классической ассоциативной психологии («старая психология стремилась познать жизнь души, новая — одушевленную жизнь» [3, с. 163]). Такова же была и логика Выготского, придавшего в своих последних работах переживанию статус единицы «взаимодействия личности и среды», психического [17]. Продолжить ряд приверженцев этой интеллектуальной традиции можно именами К. Ясперса, Э. Гуссерля, Т. Липпса, С.Л. Рубинштейна, О. Ранка, Х. Кохута, Ю. Джендлина и т. д. [7; 20].

Существенная инновация Ф.Е. Василюка состоит в том, что переживание рассматривается им как **деятельность** по преодолению критических ситуаций (ситуаций невозможности реализации жизненных потребностей). «Продуктом» деятельности, работы переживания является смысл [8]. Деятельный характер переживания в отличие от распространенного видения переживания как потока, стихии, которую человек лишь «претерпевает» и дает о ней отчет, позволяет позиционировать личность как субъекта, автора переживания. Такая концептуализация личности в мировой семье экспириентальных подходов присуща только ППТ. Понимающая психотерапия является не просто экспириентальным, но личностно-экспириентальным подходом: «... цельность... личностно-экспириентальной терапии сберегается за счет усилий терапевта, который... должен держать напряжение, связывающее два полюса — личности и переживания» [12, с. 28].

Если деятельность клиента в психотерапии — это переживание, то деятельность терапевта — сопереживание: фасилитация, поддержка переживания клиента, базирующаяся на принципе «феноменологического доверия» переживанию, его субъективной правде. Метод ее осуществления — понимание. Деятельность переживания опосредована сознанием и потому осуществляется на разных уровнях: непосредственного переживания, сознавания, рефлексии и бессознательного. Метод понимания в ППТ осуществляется соответственно этим уровням сознания и переживания. Процесс на полюсе клиента и соответствующий процесс понимания терапевта составляют психотехническую единицу (непосредственное переживание—эмпатия, сознавание—кларификация, рефлексия—майевтика, бессознательное—интерпретация) [7].

Другой важнейшей инновацией Ф.Е. Василюка в теорию переживания является то, как выстраивается предмет ППТ — через категорию жизненного мира. Интеллектуальная традиция, связанная с ней, также обширна и почетна [7, глава 3.1]. «В практике понимающей психотерапии жизненный мир рассматривается как весь пространственно-временной объем

обнимающей человека реальности, с населяющими его другими людьми, живыми существами и вещами, с его собственными чувствами, мнениями, убеждениями и т. д. Жизненный мир не может быть отнесен к одному из полюсов оппозиции «субъективное—объективное», это субъективная объективность, т. е. данность объективной реальности жизни в субъективной форме образов, чувств, переживаний, и одновременно объективная субъективность, т. е. субъективность обладающая всей полнотой действительности независимо от того, насколько она является истинной или ложной с точки зрения любого внешнего наблюдателя» [7, с. 217]⁵.

Показательно, что модель единицы жизненного мира человека была представлена Ф.Е. Василюком в статье «К проблеме единства общей психологии» (1984—1986 гг. [3]) Категория жизненного мира и ее практическая конкретизация, пожалуй, наиболее наглядно демонстрируют реализацию принципа целостности человека как субъекта своей жизни в понимающей психотерапии. Аналитика жизненных миров является важным инструментом феноменологического понимания, она позволяет психотерапевту удерживать «обнимающую человека» жизненную реальность за счет выделения ее сущностных узлов и отношений, что организует и структурирует его восприятие и коммуникацию с клиентом. В цикле обучения ППТ освоению этого инструмента посвящена отдельная ступень («Психотехника жизненных миров»).

От психологической практики к консультативной психологии

Разнородность психотерапевтических школ неизбежно ставит вопрос об идентичности психотерапии. Ее связи с философией, искусством, религией и т. д. являются одним из наиболее сильных аргументов сторонников принципиальной «ненаучности» психотерапии или, по крайней мере, проблематизации ее соотносительности с наукой [15]. Л.И. Воробьева подвергает сомнению убеждение, которого, по ее мнению, придерживался Ф.Е. Василюк — об «имманентности психотерапии психологии», отмечая, что психотерапия «... не “состоит на службе” у психологии, развиваясь параллельно с ней, хотя обмен знаниями между ними и возможен» [15, с. 6]. Однако эта «неимманентность» психотерапии психологии не отрицалась Ф.Е. Василюком: «Психотерапевтические подходы — не разные виды единого рода, а генетически независимые изводы разнородных культурных практик, не «гомологи», а «аналоги»... сходство между которыми в том, что они экстрагируют психотерапевтический потенциал из этих практик (а он есть и в философии, и в искусстве, и в религии и т. д.), чтобы вырастить из него самостоятельный терапевтический организм» [9, с. 210].

⁵ Важно отметить, что представление о жизненном мире у Ф.Е. Василюка отнюдь не сводится к известной еще по книге «Психология переживания» типологии жизненных миров.

Новые психотерапевтические практики, действительно, редко возникают из «академических» психологических теорий [26], но вот полноценное «выращивание» любого «терапевтического организма» без научно-психологического осмысления практики, с точки зрения Ф.Е. Василюка, невозможно. Можно перефразировать, что для него не столько психотерапия имманентна психологии, сколько, наоборот, психология имманентна психотерапии. Весь вопрос в том, что это за психология, на каком языке она взаимодействует с психотерапевтической практикой, насколько она эксплицирована в психотерапевтической системе и сознании профессионала (возможно, за практикой стоит пока еще не сформулированная теория), какова степень и тип ее научности, что снова возвращает нас к его идеям о психотехнической теории и философии практики — о том, каким, с его точки зрения, должен быть язык их плодотворного сотрудничества. «Красная нить» убеждений Ф.Е. Василюка — именно необходимость научной рефлексии практики, при этом научность, безусловно, понимается не узко-сциентистски; психотехнические принципы Василюка соотносятся с пост-неклассической научной парадигмой. *Консультативная психология* должна стать наукой, которая способна разрабатывать инструменты для такой рефлексии, исследовать с их помощью терапевтические феномены, т. е. обеспечивать продуктивные обмены между теорией и практикой, способствовать развитию и того, и другого.

С конца 1990-х гг. и особенно активно в 2000-х по всему миру происходят процессы институционализации консультирования и психотерапии, в том числе обеспечивается все большая их общественная и государственная регуляция, стандартизация психотерапевтического образования и т. п. Это было одной из причин того, что постепенно эта практика все чаще характеризуется Василюком не просто как психологическая, а как практика антропологическая или социально-антропологическая [2]. Безусловно, не только у нас, но и в западных странах она по значимости, мощности и универсальности не может равняться с такими традиционно выделяемыми антропопрактиками, как образование, медицина, религия; но сама постановка вопроса о таком статусе позволяет, хотя бы структурно, сравнивать их. Так, Ф.Е. Василюк использует сравнение с ними для выявления специфики понимающей психотерапии [7]. Консультативная психология также может найти свое место через связь с антропологической (социальной) практикой — как «... частная прикладная психологическая теория, реализующая общепсихологические принципы в материале данной сферы социальной практики и для решения ее задач» [7, с. 60], аналогично другим психологическим отраслям.

В своих работах Ф.Е. Василюк сформулировал несколько конкретных исследовательских про-

грамм в рамках консультативной психологии: для отдельных категорий понимающей психотерапии [9], для обоснования психотехнических принципов психологического исследования [см., например: 13; раздел «Заключение» диссертации: 7]. Мы хотели бы остановиться на одной из «прикладных» задач консультативной психологии, которая ставилась и решалась им не только в научных текстах, но и в организационной, издательской, педагогической деятельности.

Накопление различных версий видения психотерапевтической реальности во множестве школ позволяет выделять их инварианты и «переводить» конкретику отдельного подхода на «общетерапевтический язык», не теряя всего богатства и уникальности подхода⁶. Профессиональное развитие практика требует овладения таким языком для формирования зрелого психотерапевтического мышления. Самим Ф.Е. Василюком была проделана значительная работа в этой области: исторический анализ психотерапевтических упований — представлений о продуктивном процессе в психотерапии, концептуализация структуры психотерапевтической ситуации, выделение ключевых категорий психотерапевтических систем и др. [подробнее см.: 5; главы 1.3, 3.1, 3.3 докторской диссертации: 7].

Вот как вспоминает о самых ранних этапах осмысления этой задачи — выработки психологического «мета-языка», адекватного современной многоликой реальности психотерапии как антропологической практики — А.Б. Холмогорова (1990-е гг., проектирование первых учебных программ по обучению психотерапии): «В основу проекта легла близкая всем трим (Ф.Е. Василюк, А.Б. Холмогорова, В.Н. Цапкин — Т.К.) идея многопрофильного обучения разным направлениям психотерапии с целью создания условий для осознанного выбора того метода, в котором человек хотел бы более глубоко специализироваться в дальнейшем. Однако была и другая задача, а скорее сверхзадача... Многие из нас отмечали тогда замкнутость разных психотерапевтических подходов и их напряженные конкурентные отношения друг с другом, возникла острая потребность в выработке метапозиции и адекватной методологии соотнесения этих подходов» [19, с. 101].

На наш взгляд, совершенно неслучайно, что именно цели обучения настоятельно ставят такую задачу: проблемы качественной трансляции опыта, знания, формирования профессионального мышления делают обязательными процедуры извлечения «психологического содержимого» из любой психотерапии, сколь угодно далекой «по фенотипу» от классической психологии. В проекте программы, о создании которой пишет А.Б. Холмогорова, так формулируются принципы обучения, адекватные задачам не просто знакомства с конкретикой определенных подходов, а формирования профессионального

⁶ Одной из целенаправленных попыток такого подхода является работа по созданию транстеоретической системы психотерапии Дж. Норкрасса и Дж. Прохазки через выделение «интегративной системы координат» [25]. Из публикуемых на русском языке отметим работы М.А. Гулиной [17], исследовательского коллектива Н.В. Кисельниковой [21; 22; 30].

мышления у консультанта/психотерапевта: **«Принцип полифонии»** — представление о школах мировой психотерапии не как о конкурирующих претендентах на единственную истину, а как о представителях полифонической культуры, складывающейся из разнонаправленных, но полноправных систем, состоящих в отношениях продуктивного исторического диалога друг с другом. **Принцип компаративистики** означает переход от идеи альтернативного выбора той или другой психотерапевтической школы к сравнительному типологическому анализу их философско-антропологических, эпистемологических, общепсихологических и пр. оснований с целью обнаружения общих векторов их развития, выявления психотерапевтических универсалий. Такой подход позволяет студенту системно и критично освоить всю мировую психотерапевтическую культуру. **Принцип спектральности.** Анализ философско-антропологических оснований различных школ психотерапии убедительно демонстрирует, что они обращены к разным уровням человеческого бытия. Это создает возможность обучения будущих психотерапевтов искусству устанавливать соответствие между уровнем проблемы клиента и избираемым методом психотерапии» [7, с. 452–453].

В качестве примера реализации принципа компаративистики приведем дизайн исследования, начатого студенткой магистерской программы «Консультативная психология» под руководством Ф.Е. Василюка в 2017 г. Сравнение понимающей и когнитивно-бихевиоральной психотерапии на эмпирическом уровне осуществлялось через анализ категорий профессионального мышления, используемых участниками исследования — профессиональными терапевтами этих двух направлений — при развернутой оценке текстов трех консультаций: проведенных понимающим терапевтом, когнитивно-бихевиоральным терапевтом, а также терапевтом направления, имеющего определенные сходства и различия с этими двумя. Такая процедура позволила выявить универсальные категории, организующие понимание происходящих в консультации процессов профессионалами, и специфику их конкретного наполнения в рамках теории и метода «своего» подхода [24].

Таким образом, консультативная психология — это пространство осмысления и развития практики консультирования и психотерапии, в котором должно происходить формирование психотехнического знания: не знания о некотором психическом «объекте» самом по себе, а знания о психологической работе-с-объектом. «Единство и многообразие психотерапевтического опыта» [28] требует специальных усилий по удерживанию диалектики общего и особенного в этом поле. Ф.Е. Василюк часто отмечал важность верности профессионала его «психотерапевтической идентичности», невозможность создания «единой психотерапии» и какой-либо унификации форм этой антропологической практики,

но при этом необходимость разработки «общей теории» психотерапии и психотерапевтической компаративистики.

* * *

История отечественной практики консультирования и психотерапии насчитывает уже почти тридцать лет. За это время пройден путь от расхождения, схизиса с наукой до появления запроса на «академизацию» практики и постепенное формирование консультативной психологии как прикладной отрасли психологического знания. Научные работы Ф.Е. Василюка одновременно острожно формулировали наличные проблемы в этой области и предлагали пути их решения. Вместе с его образовательными, организационными и др. инициативами они являлись важным катализатором такого развития. Если пытаться рассмотреть сделанное им как целое, то невольно возникает земледельческая метафора: межевание, планомерная расчистка пространства, возделывание поля, скрупулезная подготовка почвы, семян, инструментов и, наконец, первые всходы.

Для определения поля консультативной психологии как новой научной дисциплины особое значение, на наш взгляд, имеет видение Ф.Е. Василюком практики консультирования/психотерапии как собственно психологической практики, существенно отличающейся от прикладной психологии по целям и позициям участников практики. Психолог здесь является «главным» специалистом, самостоятельным формирующим цели и ценности своей деятельности (а не обслуживающим деятельность специалиста другой сферы), его клиент взаимодействует с ним не в качестве объекта «чужой» практики (учащийся, больной и т. п.), а как «частное лицо, проживающее свою собственную жизнь» (И. Бродский). Поэтому сущностной характеристикой консультативной практики и психологии, в видении Ф.Е. Василюка, является «удержание» такого целостного видения человека в пространстве его жизни в качестве эпистемологического и одновременно аксиологического, этического идеала. Его собственный психотерапевтический подход «Понимающая психотерапия», получивший широкое, в том числе международное, признание, является примером реализации этого идеала.

Первая международная конференция по консультативной психологии и психотерапии памяти Ф.Е. Василюка, прошедшая в Москве в Психологическом институте РАО и МГППУ 1–3 ноября 2018 г. [23], стала ярким свидетельством того, что практика поворачивается лицом к психологии, а не отворачивается, как это выглядело в 90-е гг., от «устаревшей» и «скучной» теории. Практика задает науке сложные вопросы. Но и психология ставит перед практикой важные и ответственные задачи.

Литература

References

1. Архангельская В.В. Концептуальный аппарат консультативной психологии и проблема статуса практического знания // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 4. С. 32–50.
2. Василюк Ф.Е. Культурно-антропологические условия возможности психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 80–92.
3. Василюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003. 240 с.
4. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
5. Василюк Ф.Е. На подступах к синергичной психотерапии: история упований // Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 2.
6. Василюк Ф.Е. От психологической практики к психологической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 15–32.
7. Василюк Ф.Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система: дис. ... докт. психол. наук. М., 2007. 407 с.
8. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
9. Василюк Ф.Е. Сопереживание как центральная категория понимающей психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 5. С. 205–227. doi:10.17759/cpp.2016240511
10. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.
11. Василюк Ф.Е. Типы духовного совладания // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. № 5. С. 139–152. doi:10.17759/cpp.2014220507
12. Василюк Ф.Е., Карягина Т.Д. Личность и переживание в контексте экспириентальной психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 3. С. 11–32. doi:10.17759/cpp.2017250302
13. Василюк Ф.Е., Корнева Е.Н. Новое имя. Новый статус. Новые задачи // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 1. С. 5–10.
14. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2015. 574 с.
15. Воробьева Л.И. Психотерапия и наука: проблема «схизиса» // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 4–11. doi:10.17759/chp.2018140201
16. Выготский Л.С. Кризис семи лет. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1983. С. 376–385.
17. Гулина М.А., Гулина М.Ал. Проблема языка в терапевтической и консультативной психологии // Консультативная психология и психотерапия. 2012. № 4. С. 128–163.
18. Джэндлин Юджин Т. Субвербальная коммуникация и экспрессивность терапевта: тенденции развития клиенто-центрированной психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 3.
19. Зарецкий В.К., Карягина Т.Д., Холмогорова А.Б. Творческий путь Ф.Е. Василюка как преодоление схизиса академической и практической психологии // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 4. С. 94–105. doi:10.17759/chp.2018140412
20. Карягина Т.Д. Эволюция понятия «эмпатия» в психологии: дисс...канд. психол. наук. М., 2013. 175 с.

1. Arkhangel'skaya V.V. Kontseptual'nyi apparat konsul'tativnoipsikhologii i problemastatusaprakticheskogo znaniya [Conceptual structure of counseling psychology and the problem of practical knowledge status]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2013, no. 4, pp. 32–50.
2. Vasilyuk F.E. Kul'turno-antropologicheskie usloviya vozmozhnosti psikhoterapevticheskogo opyta [Cultural Anthropological Conditions of Psychotherapeutic Experience]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical Psychology], 2007, no. 1, pp. 80–92.
3. Vasilyuk F. E. Metodologicheskii analiz v psikhologii. [Methodological analysis in psychology]. Moscow: Publ. MGPPU; Smysl, 2003. 240 p.
4. Vasilyuk F.E. Metodologicheskii smysl psikhologicheskogo skhizisa [Methodological meaning of psychological schism]. *Voprosy psikhologii* [The questions of psychology], 1996, no. 6, pp. 25–40.
5. Vasilyuk F.E. Na podstupakh k sinergiinoi psikhoterapii: istoriya upovaniy [Approaching synergetic psychotherapy: history of psychotherapeutic reliances] *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Moscow psychotherapeutic journal], 1997, no. 2.
6. Vasilyuk F.E. Ot psikhologicheskoi praktiki k psikhologicheskoi teorii [From psychological practice to psychological theory]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Moscow psychotherapeutic journal], 1992, no. 1, pp. 15–32.
7. Vasilyuk F.E. Ponimayushchaya psikhoterapiya kak psikhotehnicheskaya sistema. Diss. ... dokt. psihol. nauk [Coexperiencing psychotherapy as psychotechnical system. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2007. 407 p.
8. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii [Psychology of experiencing. The resolution of life's critical situations]. Moscow, Publ. MGU, 1984. 200 p.
9. Vasilyuk F.E. Soperezhivanie kak tsentral'naya kategoriya ponimayushchei psikhoterapii [Co-experiencing as a key category of co-experiencing psychotherapy]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol 24, no. 5, pp. 205–227. doi:10.17759/cpp.2016240511. (In Rus., abstr. in Engl.).
10. Vasilhuk F.E. Struktura obraza [Image structure]. *Voprosy psikhologii* [The questions of psychology], 1993, no. 5, pp. 5–19.
11. Vasilhuk F.E. Tipy dukhovnogo sovladaniya [Spiritual coping and its types]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2014. Vol, 22, no. 5, pp. 139–152. doi:10.17759/cpp.2014220507 (In Rus., abstr. in Engl.).
12. Vasilyuk F.E., Karyagina T.D. Lichnost' i perezhivanie v kontekste ekspiriental'noi psikhoterapii [Personality and experiencing in the context of experiential psychotherapy]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2017. Vol. 25, no. 3, pp. 11–32. doi:10.17759/cpp.2017250302. (In Rus., abstr. in Engl.).
13. Vasilyuk F.E., Korneva E.N. Novoe imya. Novyi status. Novye zadachi. [New name. New status. New tasks]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2010, no. 1, pp. 5–10.
14. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (eds). Vzaimootnosheniya issledovatel'skoi i prakticheskoi psikhologii [Relationships of research and practical psychology], Moscow: Publ. Institut psikhologii RAN, 2015. 574 p.

21. Кисельникова Н.В., Лаврова Е.В., Куминская Е.А., Рзаева Ф.Р.К. Методические подходы к оценке эффективности психотерапии // Петербургский психологический журнал. 2017. № 21. С. 1–24
22. Кисельникова Н.В., Рзаева Ф.Р. Феноменологический анализ динамики переживаний клиента в процессе психотерапии // Актуальные вопросы экономики, права, психологии и образования. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е.В. Федосенко, Л.Ф. Уварова. СПб.: Изд-во «НИЦ АРТ», 2018. С. 150–154.
23. Международная конференция по консультативной психологии, посвященная памяти Ф.Е. Василюка: сборник материалов [Электронный ресурс] / Под ред. В.В. Архангельской, А.А. Голзицкой, Н.В. Кисельниковой, Е.А. Семеновой. М.: ФБГНУ «Психологический институт РАО», 2018. 261 с. URL: <https://psyalter.ru/conference#rec60030583> (дата обращения: 10.01.2019).
24. Мягких Ю.В. Сравнительный анализ когнитивно-бихевиоральной и понимающей психотерапии. Выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация). МГППУ. 2018. 83 с.
25. Норкросс Дж., Прохазка Дж. Системы психотерапии. М.: Прайм-Евронзак; Харвест. 2007. 384 с.
26. Патяева Е.Ю. Специфика знаний в практической и исследовательской психологии // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2015. С. 146–178.
27. Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии [Электронный ресурс]. М.: Логос, 1999. URL: <http://psylib.org.ua/books/sosla01/index.htm> (дата обращения: 10.01.2019).
28. Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 2.
29. Юревич А.В. Еще раз о «схизисе» исследовательской и практической психологии // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2015. С. 70–90
30. Kisel'nikova N.V., Lavrova E.V., Danina M.M., Kuminskaya E.A. Problem representation of the therapist at different stages of professional development [Электронный ресурс] // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. ICPE 2018 International Conference on Psychology and Education. URL: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/ICPE2018F030.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).
15. Vorob'eva L.I. Psikhoterapiya i nauka: problema «skhizisa» [Psychotherapy and science: the problem of the schism]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical Psychology], 2018. Vol. 14, no. 2, pp. 4–11. doi:10.17759/chpp.2018140201
16. Vygotskii L.S. Krizis semi let. [Crisis of seven years age]. *Sobranie sochinenii v 6-ti tomakh*. T. 4 [Collected works in 6 vol. Vol. 4]. Moscow, Publ. Pedagogika, 1983, pp. 376–385.
17. Gulina M.A., Gulina M.A.I. Problema yazyka v terapevticheskoi i konsul'tativnoi psikhologii [The questions of language in therapeutic and counseling psychology]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2012, no. 4, pp. 128–163.
18. Gendlin E.T. Subverbal'naya kommunikatsiya i ekspressivnost' terapevta: tendentsii razvitiya kliento-tsentrirovannoi psikhoterapii [Subverbal communication and psychotherapist expressivity: client-centered psychotherapy development trends]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Moscow psychotherapeutic journal], 1993, no. 3.
19. Zaretskii V.K., Karyagina T.D., Kholmogorova A.B. Tvorcheskii put' F.E. Vasilyuka kak preodolenie skhizisa akademicheskoi i prakticheskoi psikhologii [Life and Creative Work of Fyodor Vasilyuk: Overcoming the Schism in Academic and Practical Psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical Psychology], 2018. Vol. 14, no. 4, pp. 94–105. (In Rus., abstr. in Engl.). doi:10.17759/chpp.2018140412
20. Karyagina T.D. Evolyutsiya ponyatiya «empathiya» v psikhologii. Diss...kand. psikhol. nauk. [Evolution of the concept of empathy in psychology. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2013. 175 p.
21. Kisel'nikova N.V., Lavrova E.V., Kuminskaya E.A., Rzaeva F.R.K. Metodicheskie podkhody k otsenke effektivnosti psikhoterapii [Methodological approach to effectiveness of psychotherapy assessment]. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal* [Saint-Petersburg psychological journal], 2017, no. 21, pp. 1–24.
22. Kisel'nikova N.V., Rzaeva F.R. Fenomenologicheskii analiz dinamiki perezhivaniya klienta v protsesse psikhoterapii [Phenomenological analysis of dynamic of client's experiencing in the process of psychotherapy]. In Fedosenko E.V., Uvarova L.F. (eds), *Aktual'nye voprosy jekonomiki, prava, psihologii i obrazovaniya. Sbornik nauchnykh statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Current issues of economics, law, psychology and education. Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Saint-Peterburg, Publ. NIC ART, 2018, pp. 150–154.
23. Mezhdunarodnaya konferentsiya po konsul'tativnoi psikhologii, posvyashchennaya pamyati F.E. Vasilyuka: sbornik materialov [elektronnoe izdanie] [Proceedings of the International Conference on Counseling Psychology dedicated to the memory of F.E. Vasilyuk]. Arkhangel'skaya V.V., Golzitskaya A.A., Kisel'nikova N.V., Semenova E.A. (eds). Moscow: Publ. FGBNU Psikhologicheskii institut RAO, 2018. 261 p. URL: <https://psyalter.ru/conference#rec60030583> (Accessed: 10.01.2019).
24. Myagkikh Yu.V. Sravnitel'nyi analiz kognitivno-bikhevioral'noi i ponimayushej psikhoterapii. Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota (magisterskaya dissertatsiya) [Master's dissertation]. Moscow, MSUPE, 2018. 83 p.
25. Norkross J., Prohazka J. Sistemy psikhoterapii. [Systems of psychotherapy]. Moscow, Publ. Praim-Evroznaк, Harvest, 2007. 384 p.
26. Patyaeva E.Yu. Spetsifika znaniy v prakticheskoi i issledovatel'skoi psikhologii [Specificity of knowledge in practical and research psychology]. In Zhuravlev A.L. (eds), *Vzaimootnosheniya issledovatel'skoi i prakticheskoi*

psikhologii [Relationships of research and practical psychology]. Moscow, Publ. Institut psikhologii RAN, 2015, pp. 146–178.

27. Sosland A.I. Fundamental'naya struktura psikhoterapevticheskogo metoda, ili kak sozdat' svoju shkolu v psikhoterapii [The fundamental structure of the psychotherapeutic method, or how to create your own school in psychotherapy]. Moscow, Publ. Logos, 1999. URL: <http://psylib.org.ua/books/sosla01/index.htm> (Accessed: 10.01.2019).

28. Tsapkin V.N. Edinstvo i mnogoobrazie psikhoterapevticheskogo opyta [Unity and diversity of psychotherapeutic experience]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal [Moscow psychotherapeutic journal]*, 1992, no. 2.

29. Yurevich A.V. Eshche raz o «skhizise» issledovatel'skoi i prakticheskoi psikhologii [Once again about the schism of research and practical psychology]. In Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (eds.), *Vzaimootnosheniya issledovatel'skoi i prakticheskoi psikhologii [Relationships of research and practical psychology]*. Moscow: Publ. Institut psikhologii RAN, 2015, pp. 70–90.

30. Kiselnikova N.V., Lavrova E.V., Danina M.M., Kuminskaya E.A. Problem representation of the therapist at different stages of professional development. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. ICPE 2018 International Conference on Psychology and Education*. URL: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/ICPE2018F030.pdf> (Accessed: 10.01.2019).